

Белорусский национализм и западнорусизм: проблема противостояния

Формирование идентичностей, в том числе национальных и этнокультурных, происходит непрерывно. Даже уже сформированные идентичности иногда устами своих идеологов меняют некоторые базовые установки, а носители идентичностей вдруг заявляют об их смене или коррекции. Как пример можно привести белорусских националистов, внезапно ощутивших себя литвинами. Есть большое подозрение, что отдельные лица меняют свои идентичности не искренне, а попросту идеологически дрейфуют в направлении той идентичности, нахождение в которой может принести большие дивиденды. Иногда изменение происходит под воздействием пропаганды, которая принимается некритично. Однако стоит отметить, что формирование национальных идентичностей достаточно молодой процесс. Ранее масса населения просто не задумывалась над тем, к какой национальности стоит себя относить. В ходу были самоопределения по религиозной или территориальной принадлежности, по ощущению культурной близости и т.д.

Западнорусизм начал формироваться достаточно давно. Стимулом к этому стал нарастающий культурный разрыв между Западной и Восточной Русью, появившийся в конце XIV века после заключения между Великим княжеством Литовским, в которое входили западнорусские земли, и Польшей Кревской унии. Постепенно в Западную Русь стали проникать усилившееся польское культурное влияние и католицизм. Традиционно в Западной Руси исповедовалось православие, а идентичность была русской. Тем не менее великие князья литовские были католиками, но большая часть элиты оставалась православной. С течением времени элита окатоличивалась все больше. Также менялись и этнокультурные стереотипы. Западнорусское дворянство постепенно в культурно-языковом, конфессиональном и идентичностном плане унифицировалось с польским. Появилась общая для высшего сословия идентичность, выразившаяся в идее сарматизма. Великое княжество Литовское, претендовавшее ранее на сбор русских земель, отказалось от этого, оставив данное стремление Великому княжеству Московскому. В середине XVI века Польское королевство и Великое княжество Литовское объединились в Речь Посполитую. В польской традиции она также называется Первая Речь Посполитая¹. В конце XVI века была введена религиозная уния, после которой было объявлено о переходе православных в греко-католицизм (католицизм восточного обряда, униатство), а само православие

¹ Второй Речью Посполитой называют Польшу периода 1919–1939 годов, после окончания Второй мировой войны появилась Польская Народная Республика, а в 1989–1991 годах оформилась Третья Речь Посполитая.

Гронский Александр Дмитриевич, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора Белоруссии, Молдавии и Украины Центра постсоветских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук. E-mail: agr1976@yandex.ru

было запрещено. Тем не менее православие продолжало существовать подпольно, что в конце концов вынудило польские власти легализовать его. Соппротивление православных русских подданных сначала Великого княжества Литовского, а затем и Речи Посполитой действиям королевской власти в этноконфессиональной и культурной сферах и сформировало западнорусское мировоззрение. Интересно, что сам термин «западнорусизм» появился лишь в XX веке как определение идейного содержания противников белорусского национализма. До этого никто не пытался дать название этой массовой форме мировоззрения. В конце XIX века западнорусские идеи разделяли как минимум 75% белорусского населения [11, с. 16]. Таким образом, западнорусизм был массово распространенной идентичностью, базирующейся на этнокультурных и конфессиональных основаниях. Он не приобретал какого-то политического оформления, поскольку его носители представляли собой в большинстве не региональное дворянство, чья идентичность была в основном польской, а низы, которые были далеки от идеи политического оформления своих взглядов. Западнорусизм был массовым представлением простого местного населения о себе.

В конце XIX века начинает формироваться белорусский национализм. Он появился в эпоху развития национального вопроса как политической проблемы. То есть белорусский национализм изначально был явлением, тесно связанным с политическими лозунгами. При этом западнорусизм нельзя назвать разновидностью национализма, так как он появился в эпоху, когда не существовало национального вопроса как такового, а белорусский национализм стал одним из проявлений так называемой весны народов. Белорусский национализм во время своей институционализации в начале XX века имел социалистическую огранку. Первая националистическая партия называлась сначала Белорусская революционная громада, но достаточно быстро была переименована в Белорусскую социалистическую громаду. Так что ни революционность, ни социализм белорусскому национализму не были идейно чужды. Основные противники белорусского национализма – польские и русские организации – представляли более широкий идеологический спектр, в котором можно было найти место как правым, так и левым силам. Нельзя говорить, что белорусский национализм развивался исключительно на социалистической базе, но именно эта база представляла собой самую широкую платформу. Такое состояние белорусского национализма способствовало тому, что он мог найти себе сторонников среди общероссийских организаций социалистического толка, а также среди части таких же националистических организаций, стоящих на социалистических позициях. Это давало возможность белорусскому национализму обратить на себя внимание более весомых сил. Нужно отметить, что общероссийские партии на территории белорусских губерний представляли куда более серьезную силу, чем белорусский национализм.

На то, что национализмы могут быть связаны с социалистическим дискурсом, обращал внимание, например, американский исследователь И. Валлерстайн. Причем связаны достаточно серьезно, вплоть до возможности национального вопроса в конце XIX века «отравить жизнь» марксистским и другим организациям. При этом И. Валлерстайн выделил две империи, где, по его мнению, национальный вопрос наиболее остро «отравлял жизнь» социалистам. Этими империями были Австро-Венгрия и Россия [3, с. 136]. Именно поэтому стоит сделать вывод, что национализм и социализм не только изначально не противостояли друг другу, но отчасти одно (национализм) являлось порождением другого (социализма). Однако не стоит абсолютизировать появление национализма из социализма. Некоторые польские националистические организации возникали на основе шляхетских идей о возрождении дораздельной Польши¹. Такой национализм опирался не на социалисти-

¹ В 1772 году произошел первый раздел Польши, часть территории которой отошла Австрии, Пруссии и России. В 1793 году произошел второй раздел Польши, в котором участвовали Пруссия и Россия. Окончательно польское государство исчезло после третьего раздела в 1795 году, в котором участвовали Австрия, Пруссия и Россия.

ческие лозунги о равенстве народов, а на память об утерянном государстве, где политически доминировала шляхта, а народные массы, всё равно к какой этнокультурной группе принадлежащие, не были представлены в политике. Но у польского национализма была память о потерянном государстве, чего не было у национализма белорусского. Не было национальной элиты, национального дворянства. Все эти представления изобретались одновременно с зарождением белорусского национализма. Поскольку институционализация белорусского национализма началась накануне Первой русской революции 1905 года, это отразилось и на идеях. Например, первая белорусскоязычная газета «Наша доля» была ориентирована исключительно на низы. В шапке каждого номера было следующее предложение: «Першая беларуская газета для вёскаваго і месцовага рабочага народу» («Первая белорусская газета для деревенского и городского рабочего народа»). В программной статье «Нашей доли» указывалось: «Писать мы будем для деревни и будем защищать дела деревенских людей» [7, с. 2]. Вторая белорусскоязычная газета формально поменяла риторику. Она не собиралась «служить только или панам, или одним мужикам», а рассчитывала послужить «всему белорусскому обиженному народу» [1, с. 1]. Однако содержание газеты на всем протяжении ее издания апеллировало именно к низам, но никак не к помещикам.

Исходя из этого, можно отметить, что национализм и социализм зачастую не только не противостоят установкам друг друга, но и взаимовыгодно дополняются некоторыми идеями. Хотя между определенными направлениями социализма и некоторыми национализмами случаются недопонимания. Например, ряд белорусских националистов изначально отрицательно отнеслись к большевикам, другие же пытались с ними сотрудничать, и в ряде случаев это сотрудничество оказалось небезуспешным. В частности, будущий первый руководитель советской Белоруссии Д. Жилунович одновременно состоял и в националистической организации, и в большевистской. При этом по сути превратив националистическую организацию в филиал большевистской партии. Например, новая программа, которую исповедовал петроградский филиал Белорусской социалистической громады (БСГ), была построена на базе марксизма, а белорусские националисты, находящиеся в Минске, вообще не различали петроградские организации БСГ и большевиков [6, с. 320].

Нужно отметить, что более-менее реальная белорусская государственность была получена от большевиков¹, которые уже через несколько дней после Октябрьской революции были готовы способствовать созданию белорусского государства на советской основе [5, с. 64]. Социалисты и белорусские националисты были идеологически близки, большевики даже поддерживали социалистическую версию белорусского национализма. Победившие большевики, объявив право наций на самоопределение, определили возможности, которые могли получить от революционных преобразований белорусские и другие националисты.

Западнорусизм представлял собой течение, не склонное к революционным потрясениям, более того, западнорусы в массе были лояльны властям бывшей империи. Также западнорусизм был против потери территорий некогда единой страны, то есть не поддерживал лозунги национального отделения. Западнорусизм оказался противником как большевиков, так и белорусских националистов. В белорусской историографии утверждается, что большевики конфликтовали с белорусскими националистами, но конфликт этот

¹ В белорусском националистическом мифе первым белорусским государством рассматриваются разные образования (в зависимости от версий белорусского национализма) – Полоцкое княжество периода Древней Руси, Великое княжество Литовское, Белорусская Народная Республика. При этом не обращается внимания на наличие белорусского самосознания в различные исторические эпохи. Позднее появление белорусского самосознания мало смущает идеологов. Именно поэтому, например, разделы Польши в конце XVIII века представляются как разделы Белоруссии.

происходил не по национальному вопросу, а по идеологическому – в какой форме должна существовать белорусская государственность – советской или буржуазной. По поводу создания белорусской государственности большевистский центр высказывался положительно. Против выступали большевистские работники, находящиеся непосредственно на месте. Они утверждали, что местное население не горит желанием создавать отдельные государства и вообще самоопределяться. Но эти большевики не имели возможности находиться вблизи большевистских руководителей, чтобы постоянно доносить свою точку зрения. Сторонники же актуализации белорусского вопроса находились в Москве и Петрограде. Именно советская власть дала возможность появиться полужурнальной белорусской государственности. Серьезные вопросы решались московским большевистским правительством, но остальное могло решать белорусское большевистское правительство. Правда, эта советская государственность долго не просуществовала по причине польского давления. Когда опасность польского нападения стала неминуемой, советская Белоруссия сначала объединилась с советской Литвой, а потом это государственное образование было оккупировано поляками. Лишь в 1921 году произошло повторное объявление советской Белоруссии. Западнорусская идеология оказалась не нужна, ни большевикам, ни полякам, ни белорусским националистам всех идеологических оттенков.

Большевики проповедовали интернационализм, который позволял локальным националистам достаточно комфортно развиваться. Интернационализм воспринимался в советское время как дружба и сотрудничество между нациями [8, с. 330–331]. В теории это так, но на практике внутри СССР дружба и сотрудничество вылились в коренизацию, то есть вытеснение русского языка и русской культуры из национальных республик, изменение городской навигации в виде замены вывесок со всем привычного русского языка на местные, требования выучить национальные языки, которые не всегда были полностью литературно оформлены, отъезд русскоязычных специалистов в РСФСР и прочее. Таким образом интернационализм можно рассматривать как попытку создать условия для бесконфликтного сосуществования локальных национализмов, каждому из которых отведена определенная территория. Этот проект осуществлялся, несмотря на нежелание местного населения покидать русскую культуру или русский язык. Формирование территории союзных республик также происходило без учета мнения проживающего там населения.

Большевистская национальная политика стала спасением для белорусского национализма, причем, не только советски ориентированного, но и для антисоветского. Во второй половине 20-х годов XX века многие националисты, не принявшие советскую власть и уехавшие в эмиграцию, вернулись из-за границы и влились в ряды советских белорусизаторов. В это же время именно в период советской власти конструировалась белорусская якобы национальная героика. Она начала формироваться еще до революции, но была распространена лишь в среде лиц, разделявших националистические идеи. Советская власть, предоставила белорусскому национализму административный ресурс. И национализм смог им воспользоваться в полной мере. Был окончательно оформлен миф о белорусском национальном герое Кастусе Калиновском, который в реальности никогда такой формы имени не носил и был в 1863–1864 годах польским повстанцем, обращавшимся к белорусским крестьянам со словами: «Мы, кто живет на земле Польской, кто ест хлеб Польский, мы, Поляки с веков вечных»¹.

Нужно отметить, что в период участия Калиновского в восстании масса белорусских крестьян оказалась глуха к повстанческой пропаганде и осталась верна Российской империи. Стоит напомнить, что мировоззрение крестьян того времени можно определить как

¹ В оригинале на латинице «my, szto żywiemo na ziemi Polskiej, szto jemo chleb Polski, my, Palaki z wiekou wiecznych». Фото оригинала и текст на русском языке можно найти: [12].

западнорусское. Получается, что западнорусское мировоззрение помешало повстанцам поднять на борьбу с Россией крестьянские массы. В среде белорусских националистов польское антироссийское восстание трансформировалось в белорусское антироссийское, а про массовую неприязнь крестьян к повстанцам попросту умолчали. Более того, достаточно быстро польское шляхетское восстание объявили крестьянским белорусским восстанием против царизма. Даже была попытка сделать восстание одновременно и антиимперским, и антипольским. То есть восстание поляков за возрождение Польши попытались объявить антипольским. Вообще Калиновский стал белорусским героем из-за отсутствия других вариантов. Антигосударственные восстания в XIX веке белорусские крестьяне не слишком жаловали. Поэтому за неимением иного польское восстание, которое охватило и белорусские земли, было объявлено белорусским. Западнорусское мировоззрение крестьян и отрицательное отношение к шляхте попросту не давало шансов поднять их на массовую антигосударственную борьбу. В итоге вышло так, что западнорусски мыслящие крестьяне стали противниками «белорусского национального героя» Кастуся Калиновского, официально включенного советской властью и белорусскими националистами в белорусский героический пантеон.

Советская власть и белорусский национализм все же не были полностью союзниками. Советская власть требовала классовой лояльности, что не всегда получалось у белорусских националистов. К тому же политические репрессии, начавшиеся в 30-х годах XX века, не ориентировались на какие-то конкретные социальные слои. Под каток репрессий попали и те, кто был искренним сторонником белорусского национализма, и те, кто был его противником.

В 1920-х – начале 1930-х годов отношения между сторонниками националистических взглядов и их западнорусскими оппонентами и теми, кто к ним примыкал, были напряженными. Но в силу того, что советская власть поддерживала националистов, западнорусская сторона проигрывала. В Белорусской академии наук некоторое время работал известный филолог Н.Н. Дурново. Впечатление о минских коллегах у него сложилось весьма критическое. Он обратил внимание на их «неуместную в науке идеологическую предвзятость» и на то, что «их белорусский патриотизм часто выливается в форму нелепого и вредного шовинизма» [13, с. 89]. Также о неграмотности белорусских националистов заявлял один из самых известных западнорусов академик Е.Ф. Карский. Об И.Ю. Лёсике он писал так: «Еще и теперь можно встретиться с не выдерживающими никакой филологической критики взглядами даже вожakov современного нам белорусского движения, не умеющих разобраться в вопросах о прарусском языке, общерусском родоначальнике современных русских языков, о наречиях, говорах, русском литературном языке и т.п.» [9, с. 399]. И.Ю. Лёсик, кстати, в 1922 году стал членом Инбелкульта (предтечи Белорусской академии наук), а потом и собственно Академии наук Белоруссии. И Н.Н. Дурново, и Е.Ф. Карский вынуждены были уехать из Белоруссии, так как их деятельность противоречила идеологическим установкам советской власти в деле развития национального вопроса. Западнорусизм как идея не популяризировался, но все равно разделялся большинством населения. Видимо, это стало одной из причин того, что насаждаемая советской властью белорусизация не смогла закрепиться в сознании простых людей.

Во время Великой Отечественной войны белорусский национализм активно поддерживал немецкую оккупационную власть, что роднит его с белорусским национализмом периода Первой мировой войны. Сотрудничество с оккупантами повлияло на отношение к националистам как власти, так и простых людей. В середине 1944 года Белоруссия была освобождена. Белорусские сторонники нацизма вынуждены были эвакуироваться вместе с отступающими немецкими войсками. В эмиграции белорусский национализм развивался в немногочисленных мелких организациях, критиковал советскую власть и объяснял

западнорусское сознание белорусов «тяжелым наследием царизма» и происками советской власти, не отдавая себе отчета, что советская власть боролась с западнорусизмом. Также она преследовала и белорусский национализм, но не весь. Национализм советского толка, прикрываясь интернациональными лозунгами, мог существовать. Продолжалась поддержка искусственно сконструированной белорусской героики в виде, например, утверждения, что польские инсургенты 1863–1864 годов являются белорусскими повстанцами, и тому подобных исторических мифов.

Естественно, что после войны белорусский национализм на территории СССР не мог развиваться открыто, так как слишком однозначные эмоции в его отношении были у людей, переживших войну. По той же причине сложно было рассчитывать и на белорусизацию. Белорусский национализм мог выжить лишь в узких группах, имевших претензии к советской власти, не слишком уделяющей внимание проблемам национального развития. Стоит предположить, что наиболее последовательными сторонниками белорусизации были профессиональные носители белорусского языка, для которых он был не только элементом культуры или маркером идентичности, но и средством заработка. Увеличение числа носителей белорусского языка как основного или единственного автоматически увеличивало потребность в белорусскоязычных текстах. Сокращение количества носителей ставило под угрозу материальное благополучие создателей белорусскоязычного контента. Аналогичная ситуация сложилась и в других республиках СССР. Стоит подчеркнуть, что как минимум часть белорусскоязычных активистов была искренна в своих мечтаниях расширить сферу применения белорусского языка и не связывала это с материальной выгодой.

С началом периода «перестройки» советская идеология начала проигрывать противостояние с оппонирующими идеями. Быстро оформились локальные национализмы, которые получили сторонников не только из числа сознательных националистов, но и из числа отрицательно относящихся к националистам противников советской власти. Порой носители совершенно противоположных идей поддерживали друг друга лишь потому, что все они были против советской власти¹. С течением времени носители различных идеологических взглядов определились со своими союзниками и противниками более четко, что породило новую мифологию в их среде. Для того чтобы объяснить непопулярность белорусского национализма ранее, были снова выдвинуты тезисы, что белорусов национально угнетали и препятствовали развиваться белорусскому языку. Естественно, умалчивалось то, что белорусский национализм был непопулярен у населения по естественным причинам, в том числе и по причине сотрудничества националистов с оккупационными властями в период обеих мировых войн.

Все, кто эффективно конкурировал с националистами, были объединены в одну группу, представляющуюся как сменяющие друг друга родственные противники национализма, имеющие общее происхождение. Так в один список записали большевиков и западнорусов. В целом и те и другие критически относились к белорусскому национализму, но большевики допускали и поддерживали большевистскую версию национализма, помогали ему развиваться и проводили политику белорусизации. В отношении западнорусизма большевики таких эмоций не испытывали, так как среди западнорусов не сложилось пробольшевистской политически активной прослойки. Тем не менее западнорусизм и большевизм представлялись националистам как явления русского империализма. Масса простых людей не слишком восприняла националистические идеи, хотя в период перестройки количество поддерживающих национализм увеличилось, но частично это была реакция на идеологическую ситуацию. После эмоционального всплеска периода распада СССР насту-

¹ Один из белорусских националистов рассказывал, как в начале 1990-х годов ходил с группой сторонников на концерт Жанны Бичевской. Эти люди не разделяли русско-монархические взгляды Бичевской, но, как и она, были против советской власти.

пила стабилизация представлений, что повлекло за собой отток сторонников национализма. Белорусы массово поддерживали введение русского языка как государственного наряду с белорусским на референдуме 2005 года, поддерживали курс на интеграцию с Россией, что говорит о малом влиянии белорусского национализма на общество.

Показательными являются опросы Независимого института социально-экономических и политических исследований (НИСЭПИ), расположенного в Вильнюсе. Эта структура позиционирует себя как независимая, но ее сотрудники настроены прозападно. На протяжении многих лет НИСЭПИ проводил опросы белорусов. Помимо прочего у белорусов спрашивали, являются ли русские, белорусы и украинцы одним народом или нет. Каждый раз 2/3 опрошенных отвечали, что это один народ [4, с. 47]. Мнение, что великорусы, белорусы и малорусы являются ветвями одного народа, поддерживалось западнорусами еще до революции, что показывает, к какому мировоззрению склонны большинство белорусов. Некоторые националисты пытаются объяснить такие ответы политикой советской власти, но советские представления критиковали этот дореволюционный тезис. По советским представлениям, русские, белорусы и украинцы являются близкими, братскими народами, но не одним народом. То есть советские убеждения работали против западнорусских представлений, но последние оказались сильнее.

Белорусская оппозиция боролась с мнением большинства, белорусское государство чаще предпочитало советскую версию этногенеза, иногда варьируя ее под воздействием внешнеполитических событий. Но с 2014 года в Белоруссии власть начала солидаризоваться с оппозиционной идеологией. Массовая поддержка простыми белорусами Русской весны обеспокоила не только оппозицию (что вполне закономерно), но и власть, которая начала демонстративно подчеркивать свою позицию по украинскому кризису, поддержав предложенную Украиной антироссийскую декларацию [14], в которой Россию призвали «отказаться от временной оккупации Автономной Республики Крым и города Севастополя, вывести российские оккупационные силы из временно оккупированных Автономной Республики Крым и города Севастополя и вернуть их под контроль правительства Украины», а также «прекратить спонсирование террористической деятельности в Украине посредством притока боевиков, денежных средств и оружия через неподконтрольный правительству участок украинско-российской государственной границы и перестать оказывать любую поддержку незаконным вооруженным формированиям в отдельных районах Донецкой и Луганской областей Украины, которые совершают террористические акты в Украине» [10, с. 40]. То есть белорусская официальная делегация признала Крым и Севастополь временно оккупированными Россией, а сопротивление Донбасса Украине террористической деятельностью. На такую позицию обратили внимание и США, представитель которых назвал Белоруссию бастионом против российского неоимпериализма [2].

В целом можно сказать, что белорусский национализм институционализирован, имеет поддержку как извне, так и внутри государства, причем иногда государство и оппозиция выступают вместе. Например, в преследовании пророссийских публицистов, как это было в 2016–2018 годах, когда расследовалось так называемое дело пророссийских публицистов (дело «Регнума»). Западнорусизм не структурирован, не имеет политического представительства и является массовым народным мировоззрением. Отсутствие политических структур, возможно, помогает его широкому распространению, так как политические силы ограничивают любую идею целесообразностью. Идея становится менее гибкой, что отталкивает часть ее сторонников.

Президентские выборы 2020 года и последовавшие за ними протесты изменили политическую ситуацию в Белоруссии. Поскольку статья написана сразу после выборов, когда протесты еще далеко не закончены, можно лишь делать прогнозы по поводу дальнейшего развития как западнорусизма, так и белорусского национализма.

Литература

1. [Paczynajuczy wydawac...] // Nasza niwa. 1906. № 1. S. 1.
2. Артеменко С. Лукашенко против «российского неоимпериализма» [Электронный ресурс] // ИА REGNUM / Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/2563819.html>
3. Балибар Э., Валлерстайн И. Раса. Нация. Класс: Двусмысленные идентичности. М.: Логос. 2004. 288 с.
4. Возможен ли «белорусский майдан»? Диагностика и вызовы для России. М.: Научный эксперт, 2016. 116 с.
5. Гигин В. Могла ли состояться БССР в 1917 г.? // Беларуская думка. 2009. № 12. С. 62–71.
6. Гронский А.Д. Воспоминания Д. Жилуновича о событиях 1917 г. на страницах журнала «Полымя» // Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем: материалы международной научной конференции «Россия и Беларусь на историческом перепутье, 1917–1922 гг.» (Смоленск, 19–21 октября 2017 г.) / под ред. Е.В. Кодина. Вып. 2. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2017. С. 316–323.
7. Да чытацелю // Наша доля. 1906. № 1. С. 1–2.
8. Калтахчян С.Т. Интернационализм // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. / гл. ред.
9. Карский Е.Ф. Белорусы. Т. 3. Кн. 2: Очерки словесности белорусского племени. Минск, 2007. 704 с.
10. Минская декларация и резолюции, принятые Парламентской ассамблеей ОБСЕ на двадцать шестой ежегодной сессии. Минск, 5–9 июля 2017 года. 71 с.
11. Мірановіч Я. Найноўшая гісторыя Беларусі. СПб.: Неўскі прасцяг, 2003. 243 с.
12. Письмо Яськи-гаспадара из-под Вильны к мужикам земли польской [Электронный ресурс] // Западная Русь / Режим доступа: <https://zapadrus.su/bibli/arhiv/1320-pismo-yaski-gaspadara-iz-pod-vilny-k-muzhikam-zemli-polskoj.html>
13. Робинсон М.А. Заявление профессора Н.Н. Дурново // Славяноведение. 2011. № 2. С. 86–100.
14. СМИ: Белорусские депутаты поддержали антироссийскую декларацию ПА ОБСЕ [Электронный ресурс] // ИА Eurasia Daily / Режим доступа: <https://easaily.com/ru/news/2017/07/10/smi-belorusskie-deputaty-podderzhali-antirossiyskuyu-rezolyuciyu-pa-obse>

Аннотация. В статье рассматриваются отношения между западнорусизмом и белорусским национализмом. Западнорусизм появился достаточно давно, а белорусский национализм сформировался в конце XIX века. До революции 1917 года белорусский национализм не мог конкурировать с западнорусизмом. Национальная политика большевиков способствовала упадку западнорусизма. Данная ситуация помогла белорусскому национализму завоевать позиции. Однако белорусские националисты активно сотрудничали с оккупационными властями в период Великой Отечественной войны. Это способствовало усилению негативного отношения к ним со стороны населения Белоруссии. В настоящее время белорусский национализм поддерживается как оппозиционными силами, так и властью. Западнорусизм не имеет политического выражения, но его носителями является большинство жителей Белоруссии.

Ключевые слова: западнорусизм, белорусский национализм, Белоруссия, национальная политика большевиков.

Alexander D. Gronsky, Candidate in History, Associate Professor. Leading Researcher, Section for Belarus, Moldova and Ukraine, Center for Post-Soviet Studies. Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. E-mail: agr1976@yandex.ru

Byelorussian Nationalism and Western Russianism: the Problem of Confrontation

Abstract: The article examines the relationship between Western Russianism (Zapadnorusizm) and Byelorussian nationalism. Byelorussian nationalism is much younger than Western Russianism, finally shaping only in the end of the 19th century. Before 1917 revolution Byelorussian nationalism could not compete with Western Russianism. The national policy of the Bolsheviks contributed to the decline of Western Russianism and helped Byelorussian nationalism to gain stronger positions. However, Byelorussian nationalists actively cooperated with the occupation authorities during the Great Patriotic war. That caused distinctly negative attitude of Byelorussians towards the movement and collaborators. Currently, Byelorussian nationalism is supported both by the opposition and by the government. Western Russianism has no political representation, but is supported by the majority of Byelorussian population.

Keywords: Western Russianism (Zapadnorusizm), Byelorussian Nationalism, Byelorussia, National Policy of the Bolsheviks.